

Время смысла: нарративный модус временной перспективы¹

Ю. Е. Зайцева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Зайцева Ю. Е. Время смысла: нарративный модус временной перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 16–33. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.102>

«Будет чуть-чуть хуже» равно «все плохо»? Похоже, что да. Когнитивные эвристики «вспоминающего Я» (Д. Канеман), преувеличивающие значимость динамики переживаний от кульминации («пик») к окончанию ситуации («финал») и недооценивающие фактор длительности опыта переживания, работают, и когда мы строим рассказ о нашей жизни в масштабе жизненного пути. Эмпирическое исследование временной перспективы в автобиографических рассказах (нарративный модус) показало, что даже незначительная динамика в сторону ухудшения от настоящего к будущему (измеренная в логико-парадигматическом модусе, шкала временных установок Нюттена, семантический дифференциал, 19 конструкторов) фиксируется в (1) затруднениях конструирования образа будущего, (2) обесценивании опыта, (3) пессимистичных сценариях жизненного пути или чрезмерной идеализации сценарно-типичного образа будущего при разрыве каузальных связей «средство — цель», «причина — следствие» между событиями жизненного пути и идентичностью, а также (4) в отсутствии тематической согласованности в рассказах о прошлом, настоящем и будущем. Данные закономерности были получены на модели устных и письменных Я-нарративов 112 студентов и выпускников вузов Санкт-Петербурга в возрасте становящейся взрослости, описывающих связь одной выбранной идентичности (из методики «Кто Я») с ситуацией в прошлом, актуальным событием настоящего и гипотетическим событием из будущего в виде логично выстроенного повествования. Конфирматорный анализ на дополнительной выборке из 42 человек подтвердил полученные закономерности. Потенциал автонаррации как инструмента конструирования идентичности был неоднократно показан в исследованиях последних десятилетий. Чувствительность структуры нарратива к темпоральности в ансамбле с уязвимостью строящейся идентичности молодых людей к нарративным паттернам рассказывания о жизни превращает динамику (даже незначительную по амплитуде) временной перспективы в значимый таргет психологического воздействия. А изучение эвристик познания феноменологического опыта времени — в значимую теоретическую проблему. Темпоральность как сущностное свойство человеческого сознания, реализованная в способности к наррации, отрефлексируемая экзистенциалистами и феноменологами, рассматривается как интерпретационная рамка вскрываемых современной когнитивной наукой закономерностей.

Ключевые слова: время, темпоральность, нарративный модус, временная перспектива, когнитивные эвристики, эффект *ника* — *финала*, нарратив, автобиография, жизненный путь, идентичность, феноменология времени, субъектность.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-36-01357.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

The time is out of joint — O cursed spite,
That ever I was born to set it right!
W. Shakespeare

Слово есть время смысла.
А. А. Медова

Жизнь есть усилие во времени.
М. К. Мамардашвили

Время и смысл: о чем молчали экзистенциалисты

Аврелий Августин сетует: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю» [1, с. 17], однако именно его интуиция времени и рефлексия задали тон и тему философии XX века — темпоральности как основы феноменологии сознания. Способность души человека иметь «протяженность» — напряженно, с усилием растягиваться и вмещать в себя «настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего» — рассматривается им как сущностно человеческая. Он размышляет о возможности бытия времени в трех качественных ипостасях: «Каким же образом уменьшается и исчезает будущее, которого еще нет? Каким образом растет прошлое, которого уже нет? Только потому, что это происходит в душе и только в ней существует три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает» [1, с. 37]. Отсюда время существует как качество нашего сознания, отражающее его основные функции и способности: «Настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» [1, с. 26].

Великие феноменологи и экзистенциалисты XX в. А. Бергсон [2], М. Мерло-Понти [3], Э. Гуссерль [4], М. Хайдеггер [5] и, конечно, П. Рикер [6–9] и М. К. Мамардашвили [10] развивали тему времени как генеральную. Время как естественно-научный термин означает «метрически определенную длительность течения материальных процессов и существования материальных тел и систем» [11, с. 184–185]. Но предметом изучения феноменологов являлось не субъективное отражение объективного «времени мира опыта, но имманентное время протекания сознания» [4; 6–7]. Именно способность сознания темпорально конституировать мир как изменчивый и длящийся во времени составляла их интерес. Требуется особая рефлексия, чтобы увидеть это качество, ведь в силу фундаментальных особенностей психики интеллигентный, познаваемый нами мир проецируется нами «вовне», как если бы он существовал именно в таком виде объективно и независимо от нас как наблюдателей. Моделирование нашего сознания становится возможным через внимательное исследование способности упорядочивать окружающий нас мир во времени. «Субъективное время как временной аспект субъективной реальности начинает проявлять себя при познавательном отношении к реальной действительности и более или менее длительном восприятии, когда внимание обращается не только на происходящее в реальной действительности изменения, но осознается временная последовательность ситуаций и событий» [11, с. 471]. «Время — это моя

способность к упорядочиванию. Но в той же степени оно представляет для меня постоянную угрозу исчезновения и разрушения», — вносит экзистенциальную ноту в восприятие времени человеком П. Рикер, комментируя сходство феноменологического предчувствия И. Канта и работы своего учителя Э. Гуссерля [8, с. 173].

Безусловно, способность к опережающему отражению и накоплению опыта характерна для всех животных, обладающих психикой [12]. Однако именно высшие животные развивают ее в наибольшей степени, приближаясь к тому, чтобы открыть экзистенциальный ее масштаб — «время жизни», хотя и не достигают этого. Последнее, насколько известно современной когнитивной этологии, прерогатива именно нашего вида [13]. Для человека характерна наиболее выраженная способность к «растяжению души», в том числе осознанная организация текущей деятельности с учетом опыта, накопленного в истории прошлых поколений и ради образа будущего, выходящего за пределы жизненного цикла индивида. Такой выход опережающего отражения в масштабе «исторического времени», по С. Л. Рубинштейну [12], и проявляет существеннейшую особенность нашего сознания.

Какие же, говоря языком современной когнитивной психологии, механизмы и фундаментальные потенции сознания позволяют нам упорядочивать ушедшие события в «пространстве» субъективного опыта, расположить их в определенных последовательностях, «ближе» или «дальше» друг от друга и, как следствие, измерять их «длительности», приписывать изменчивость и постоянство, аналогичным образом предвосхищать будущие события и в пределе осознавать и осмыслять время жизненного пути личности как некое экзистенциальное целое, осуществлять переход в масштаб исторического времени жизни человеческой цивилизации? Человеческий «умвельт»² (если вновь возвращаться к терминам когнитивной этологии), или жизненный мир, воспринимаемый и мыслимый нашим видом определенным образом в силу особенностей нашей психики, в данном случае — исключительной темпоральности человеческого сознания, невозможен без пространства языка.

Нарратив и время: куда ведут тропы

«Проблематика пространства — времени — языка является магистральной для философии прошлого века, и в веке нынешнем она находит продолжение в построении философских и междисциплинарных моделей сознания», — справедливо отмечает А. А. Медова [14, с. 134], раскрывая проекцию темы времени у Поля Рикера на нарратив, язык и пространство. Вслед за Августином, исследующим тайну сотворения мира Божественным словом с точки зрения возникновения времени как такового, П. Рикер слышит слово как темпоральную развертку смысла, а упорядоченное во времени повествование — как нарратив, отражение внутренней темпоральной структуры сознания. Он пишет: «Все, что рассказывается, происходит и разворачивается во времени, занимает какое-то время — и то, что разворачивается во времени, может быть рассказано. Может быть, даже любой временной процесс признается в качестве такового только в той мере, в какой он так или

² Umwelt — термин когнитивной этологии, введенный Якобом фон Иксколем и означающий мироощущение, субъективное отражение окружающей среды, характерное для определенного биологического вида; субъективный мир, который отражается органами чувств представителей данного вида [13, с. 15, 385].

иначе поддается пересказу» [7, с. 24]. При всем разнообразии повествовательных актов, множестве жанров документальных и художественных произведений, видов и способов рассказывания историй, присущих человеческим культурам, П. Рикер утверждает фундаментальное сходство между ними: «Моя основная гипотеза состоит в следующем: общая характеристика человеческого опыта, который размечается, артикулируется, проявляется во всех формах повествования, — это его временной характер» [7, с. 24].

Рассказываемая история, повествование — это всегда цельность определенной временной структуры: события специально отбираются для того, чтобы обозначить начало, кульминацию и финал истории. А также это цельность, объединенная единой мотивационной линией, сочетанием намерений героя, его целей, средств воплощения и обстоятельств, с которыми он встретился по мере реализации этих намерений. Не любой линейно упорядоченный во времени перечень событий представляет собой историю. История, предназначенная для понимания ее смысла, обязана иметь интригу или сюжет, «интеллектуальное единство, которое создает композицию обстоятельств, целей и средств, инициатив и невольных следствий» [7, с. 26]. Чем более объяснены и артикулированы связи между элементами, тем лучше история рассказывается, а чем лучше слушатель может воссоздать и воспроизвести структуру нарратива — конфигурацию событий, составляющую основную интригу, тем лучше его понимание. Нарратив как когнитивная схема может не совпадать с текстуальной последовательностью изложения истории. В некоторых жанрах от слушателя или читателя требуется неоднократное ментальное перестраивание интриги по мере повествования. Нарративная структура предназначена для осмысления социального опыта взаимодействия людей, обладающих намерениями и осуществляющих целенаправленную деятельность в определенных обстоятельствах с желаемыми или нежелательными результатами.

«Нарратив — это сообщение, представленное в форме истории, рассказанной в соответствии с определенными соглашениями» [14, с. 136], и в то же время нарратив подразумевает «процессуальность самоосуществления текста». Он, с одной стороны, говорит нам о дискурсе — нормах, практиках, ценностях сообществ, культурно-историческом контексте, в котором происходит процесс придания смысла опытам (разумеется, в меру их освоения личностью), а с другой стороны, отражает когнитивные механизмы нашего сознания, логику самого языка и мышления, его использующего. Изучая отражение времени в нарративной структуре, мы можем в равной мере говорить об историческом времени, общечеловеческом времени темпорального и существующего в пространстве языка сознания и времени личности в ее индивидуальной временной перспективе.

Передавая смысл времени, мы неизбежно обращаемся к метафорам пространства. Связь времени с пространством в языке двояка: с одной стороны, наиболее очевидная для нас метафора структурной организации элементов во времени — это организация вещей в окружающем физическом пространстве, с другой стороны, динамичность и процессуальность времени легко ассоциируется с воспринимаемым нами движением, перемещением тел в пространстве. Это представление усиливается в нашей культуре усвоенными в общеобразовательной школе ментальными привычками отождествлять время с «осью времени» — однонаправленным вектором с точками на нем — декартовой осью координат, в качестве репрезентации

«физического времени» в четырехмерном континууме пространства — времени. Все, что мы не в силах передать самой структурой музыкального или художественного произведения, но что требует от нас рефлексивной репрезентации временной структуры, означает через пространственные метафоры. Само понятие «время» в различных языках частотно и широкоупотребимо, но не объяснимо, его смысл передается напрямую, понятие «время» как таковое означает лишь само себя, не используется в переносном значении, почти не имеет синонимов, а необходимость отразить его внутреннюю структуру (согласование явлений во времени) переносится в область пространства — все предлоги, отражающие такое согласование, совпадают с пространственными [14–16].

То, как язык конструирует пространственную репрезентацию времени, влияние культуры и речевых практик на ориентацию времени относительно нашего тела (наши привычки мысленно располагать прошлое и будущее справа или слева, внизу или вверху, спереди или сзади) или относительно физических координат (сторон света, ландшафта), как искажаются пространственные образы временной перспективы в зависимости от контекста нашей текущей деятельности, блистательно показывала в своих экспериментах Л. Бородицки [17]. М. Джонсон, также специалист по когнитивной лингвистике и воплощенному познанию, утверждает, что в основе метафор времени, как и в основе большинства тропов, лежат образные схемы, отражающие первичный базовый сенсомоторный опыт [18]. Наша телесная связь с пространством, первые перемещения, приложение усилий, осознание верха и низа, близости и удаленности экстраполируются нами на опыт темпоральности. Взаимосвязь между образными схемами, метафорической репрезентацией времени жизненного пути и особенностями нарративного согласования автобиографических текстов мы подробно анализировали в прошлой нашей статье [19].

Время и субъект: интрига «Я»

Ф. Е. Василюк [20] отмечает одновременность освоения хронотопа (времени и пространства) по мере развития в онтогенезе. Новый хронотоп (здесь-и-теперь; там-и-тогда; сложное, неоднородное внутреннее пространство; пространство жизненного пути) феноменологически переживается как новый жизненный мир. Появление сложности внутреннего мира и переживания экзистенциального пространства времени жизни в опыте человека на определенном этапе его психического развития обусловлено иерархичностью внутреннего опыта, в том числе темпорального. Внутреннее пространство субъективного мира взрослого человека неоднородно, а время нелинейно [20; 21]. «Анализ гармоничного сочетания разных аспектов психологического хронотопа ставит вопрос о соотношении социального и персонального в идентичности, в развитии общества и человека» [21, с. 1]. Начиная с подросткового возраста (этапа кризиса идентичности, по Э. Эриксону), или скорее с периода становящейся взрослости (по Дж. Арнетту [22]), в современной культурной практике задача иерархизации и структурирования внутреннего опыта посредством Я-нарративов становится центральной для конструирования идентичности. Сначала отрывочное, затем целостное повествование о становлении своей индивидуальности организует события жизненного пути во времени в привязке к отличительным особенностям личности, личностным смыслам (ва-

люациям) и жизненным устремлениям, задавая интригу жизни, отражая меру ее осмысленности и целостный характер как Я-истории.

Тематическая согласованность Я-нарратива — жизнь, рассказанная как музыкальная вариация, объединенная единой темой, мотивом, в которой можно прочесть цельность и единство человека и его жизни, уникальную самоидентичность, несмотря на все разнообразие. Такая работа по самоконструированию требует определенного уровня рефлексии, владения культурными кодами своего исторического и социального круга (знакомства с дискурсом автобиографирования, повествовательными жанрами эпохи), а также наличия коммуникативного опыта по проговариванию, осмыслению, интеграции своих жизненных воспоминаний, извлечению из них смысла. Е. Е. Сапогова показывает [23; 24], что задачу такой автонаррации в масштабах жизненного пути может и должен решить человек зрелый, переходящий в пространство взрослости с его автономной ответственностью и готовностью к ценностно-смысловому конструированию своей личности. Впрочем, именно решение этой задачи, в свою очередь, и формирует новообразования взрослости.

Разработанная, длительная и согласованная временная перспектива, обладающая реалистичностью не только с точки зрения включения в повествование достоверных жизненных событий, но и с позиции владения прагматикой каузальных жизненных связей («причина — следствие», «цель — средство»), обладающая также биографической достоверностью (сопоставимая с моделями присущих современной культуре сценариев жизни), ценностно окрашенная как интеллигибельная (поддающаяся осмыслению, извлечению значимых жизненных уроков), а значит, позитивная в любом случае, несмотря на меру желательности исходов, обеспечивает жизнестойкость [25] и коррелирует с субъективным благополучием [26–28], мотивацией здоровья [25] и ощущением субъектности [29; 30].

Эвристики против временной перспективы: чем пессимист отличается от оптимиста

Временная перспектива — мощный личностный ресурс человека. Традиционно большая часть исследований временной перспективы в психологии [31] проводится в концептуальной рамке временных ориентаций по Ф. Зимбардо. Однако данная модель Ф. Зимбардо, показывающая установку субъекта по отношению к трем модусам времени в «абсолютных» величинах, не позволяет в полной мере увидеть и оценить настоящее — прошлое — будущее в их процессуальном единстве. Модель Ф. Зимбардо включает два параметра: меру субъектности и положительное эмоциональное отношение к трем модусам времени — личному прошлому, настоящему и будущему. Однако эти параметры распределены неравномерно: прошлое оценивается в первую очередь с точки зрения эмоциональной установки; настоящее и будущее — с позиции субъектной активности; и каждое из времен — с точки зрения общего влияния на выбор интерпретационной модели осмысления жизненного опыта. Общая структура временной ориентации показывает меру относительной субъективной значимости / меру обесценивания элементов Я-нарратива и предпочтительную «точку отсчета», ментальную проекцию нарратора на «оси времени».

В зависимости от доминирующей временной ориентации повествование ведется с подчеркиванием или связи прошлого (негативного или позитивного) и настоящего, или переживания ощущающего «Я» в настоящем, оторванном от прошлого и будущего (гедонистическое настоящее), или меры субъектности в связях настоящего и будущего (фаталистическое настоящее и ориентация на будущее). Несмотря на то что Ф. Зимбардо упоминает в своих работах так называемую «гармоничную» временную ориентацию, не обесценивающую ни одно из времен, однако чаще анализ проводится относительно «чистых стилей» временной перспективы. Показывается, в частности, как доминирование установки на будущее коррелирует с психологическим благополучием, удовлетворенностью жизнью, активным долголетием и социальной успешностью [31]. Временная ориентация на будущее подчеркивает субъективную значимость личного будущего, проекцию ожиданий результата текущей деятельности в далекой временной перспективе, а также высокое чувство субъектности — авторства своей будущей жизни. Еще одним важным фактором удовлетворенности жизнью оказываются предвкушение будущего, эмоционально позитивная окрашенность жизненной перспективы, в том числе феноменологически переживаемая как «надежда» [32; 33].

Невзирая на нарративный по своей сути предмет анализа, в оценке временной перспективы в данной модели использован скорее логико-парадигматический, а не нарративный модус мышления, в терминологии Дж. Брунера. Нарративная структура, согласно исследованиям Д. Макадамса [34], чрезвычайно чувствительна к такому показателю, как «последовательность возмещения или порчи», при котором финал истории (победа или поражение героя) интегрируется в ценностную перспективу будущего как личностное обретение (в том числе и через трудности, неудачи и поражения как ценный жизненный урок, приводящий к последующей победе) или как утрата (порча) ценности (в том числе после победы или выигрыша). А значит, временная перспектива будущего в нарративном модусе должна быть рассмотрена в контексте динамики по отношению к перспективе настоящего и прошлого: хуже ли мое ожидаемое будущее, чем мое настоящее и прошлое, или лучше и насколько? Таким образом, мы можем получить четыре типа временной перспективы с точки зрения ее динамики (см. рис. 1):

- 1) «линейная прогрессия» (будущее лучше настоящего, которое лучше прошлого);
- 2) «U-образная прогрессия, оптимистичная» (будущее лучше настоящего, которое хуже прошлого);
- 3) «П-образная регрессия, пессимистичная» (будущее хуже настоящего, которое лучше прошлого);
- 4) «линейная регрессия» (будущее хуже настоящего, которое хуже прошлого).

Наиболее интересно, что данная динамическая структура нарратива начинает влиять на общее переживание успешности и благополучия даже при незначительном прогнозируемом/вспоминаемом отличии настоящего от прошлого и будущего в абсолютных величинах. Механизмом этого могут выступать различия между когнитивными модусами «вспоминающего Я» и «ощущающего Я», обнаруженными Д. Канеманом [35] в экспериментах, показавших существенные когнитивные искажения в переживаемом и оцениваемом здесь-и-сейчас и запоминаемом опыте

Рис. 1. Четыре типа динамики временной перспективы в нарративном модусе

темпоральности. Структурирование опыта в историях «вспоминающего Я» происходит при помощи когнитивных эвристик (стереотипных схем познания). Как и при использовании метафоры (или иных дискурсивных тропов), мы вынуждены отказываться от «аналоговой» дескриптивной точности отражения реальности в пользу эвристического переноса или концептуального обобщения. Но подобные переносы чреваты иллюзиями.

В частности, при осмыслении длящихся во времени событий мы подвержены таким эвристикам, которые схематизируют и артикулируют различия между переживаниями «начала» истории, кульминационным переживанием «пика» и «финалом» и в то же время склонны забывать (терять, игнорировать, искажать) ощущение длительности. Д. Канеман [35, с. 377–385] убедительно показывает в своих экспериментах, как благодаря данной схеме мышления человек может «забыть» свой непосредственный опыт и выбрать в дальнейшем повтор пробы, в которой существенный физический дискомфорт переживается объективно более длительное время, но ближе к финалу дискомфорт снижается, по сравнению с ситуацией, когда неприятность длится меньшее время, но оканчивается на такой же интенсивности. Или, напротив, переживать как суммарно менее ценный более длительный позитивный опыт, окончание которого было хорошим, но не таким замечательным,

как пиковое переживание. Последние закономерности распространялись и на восприятие жизненного опыта в экзистенциальном масштабе. Д. Канеман приводит в пример эксперимент Э. Динера [35, с. 387], в котором испытуемых просили оценить короткое жизнеописание выдуманного персонажа Джен с точки зрения того, насколько счастливую жизнь прожила, по их мнению, девушка. Джен не замужем (и не была), детей не было, жизнь проживала невероятно интересную и увлекательную, наслаждалась своей работой, выходными и путешествиями, проводила время с близкими друзьями и занималась своими хобби, ее жизнь оборвалась мгновенной смертью в автомобильной аварии, это произошло, когда ей было 30 (по другой версии — 60) лет. Интерес исследователей привлек тот факт, что если во втором варианте эксперимента жизнь Джен продлевалась на 5 лет (35 и 65 лет соответственно), но в эти 5 лет она была менее счастлива и довольна, чем в предыдущие годы, то оценки суммарного «счастья» в жизни Джен во второй группе оказывались существенно ниже, чем в первой. Невзирая на то что во втором случае Джен прожила столько же счастливых лет, сколько в первом, и еще несколько достаточно хороших лет, люди оценивали общий уровень счастья как значимо меньший. Подобный результат не зависел от общей протяженности жизни Джен (как в ситуации гибели в 35 лет, так и в 65 лет).

Подобный эффект когнитивных эвристик игнорирования длительности и преувеличения значимости различий «пик — конец» может говорить о том, что относительная динамика (даже незначительная) во временной перспективе может оказывать существенное влияние на общее переживание субъективного благополучия/неблагополучия. Нас заинтересовал вопрос, насколько этот эффект переносим на временную перспективу будущего?

Работают ли данные когнитивные эвристики при оценке временной перспективы личного будущего? Захватывает ли это лишь короткую временную перспективу или в равной степени экзистенциальную в масштабах целого жизненного пути? Может ли незначительное снижение прогнозируемого благополучия и меры субъектности в будущем относительно настоящего (динамика регрессии временной перспективы в нарративном модусе) привести к общей «пессимистической» установке в жизнеописании и изменить общий эмоциональный тон Я-нарратива?

Для ответа на эти вопросы нами было проведено эмпирическое исследование динамики временной перспективы молодых людей возраста становящейся взрослости. Отсюда основным предметом нашего научного интереса была временная перспектива типа П-образной регрессии («пессимистическая»), где будущее ожидалось менее позитивным и менее зависящим от субъекта, чем его настоящее, которое, в свою очередь, было лучше, чем его прошлое. Целью исследования было проследить особенности временной перспективы такого типа в нарративном и логико-парадигматическом модусах описания. Основными задачами исследования были следующие: проверить, насколько когнитивные эвристики «вспоминающего Я» (Д. Канеман), преувеличивающие значимость динамики переживаний от кульминации («пик») к окончанию ситуации («финал») и недооценивающие фактор длительности опыта переживания, работают, когда мы строим рассказ о нашей жизни в масштабе жизненного пути, и отражается ли такой тип динамики временной перспективы в логико-парадигматическом модусе на структурировании временной перспективы в рассказе о жизни в виде нарратива обесценивания «порчи»

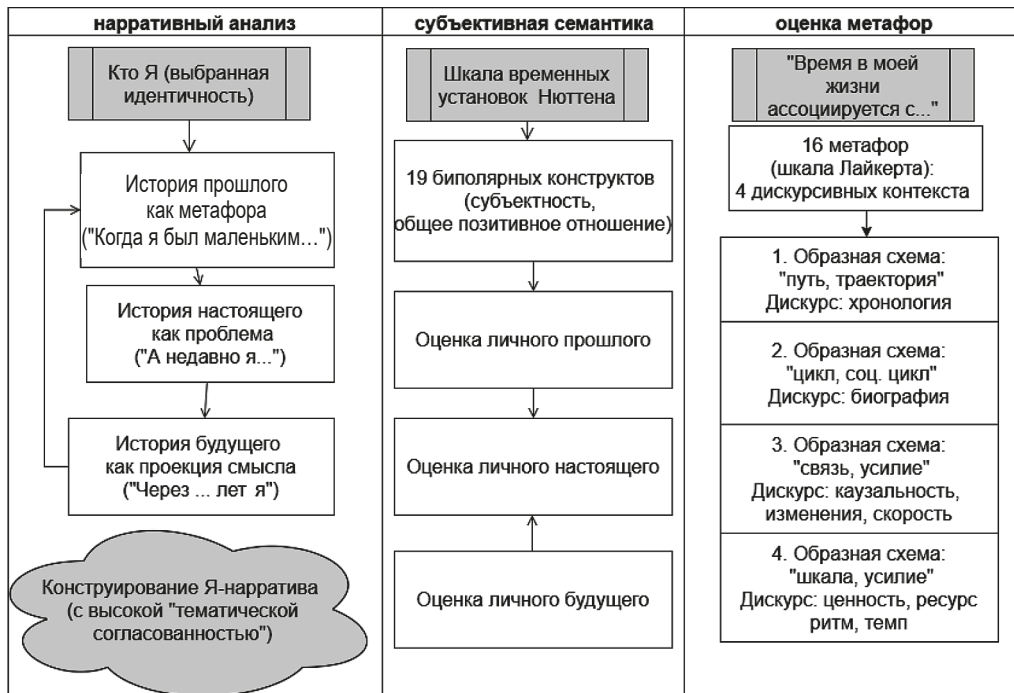

Рис. 2. Методы и параметры анализа в эмпирическом исследовании логико-парадигматического и нарративного модусов динамики временной перспективы

(по Д. Макадамсу). Выборку участников исследования составили 112 молодых людей (25 %) и девушек (75 %) возраста становящейся взрослости (18–27 лет, ср. 20,3 ст. откл. 2,1), студенты и выпускники гуманитарных и технических вузов Санкт-Петербурга. Нами анализировались следующие параметры (см. рис. 2) динамики временной перспективы: а) в логико-парадигматическом модусе: субъективная оценка личного прошлого, настоящего, будущего по параметрам субъектности и общего эмоционального отношения (шкалы семантического дифференциала, 19 биполярных конструктов шкалы временных установок Нюттена [36, с. 452]); б) в нарративном модусе: длительность, разработанность временной перспективы будущего и временной ретроспективы прошлого (анализ текста Я-нарратива, процедуру его конструирования мы подробнее представим ниже); нарративный тон повествования (пессимистичный, оптимистичный); нарративная последовательность возмещения/порчи (смысловой интеграции / обесценивания жизненного опыта); характерная для нарративной согласованности определенного типа образная репрезентация временной перспективы в метафоре жизненного пути (оценка 16 метафор, шкала Лайкерта [19; 37]).

Нарративный модус временной перспективы может быть обнаружен в Я-нарративах с высокой тематической согласованностью. Создание такой истории требует навыка и опыта автонаррации и не всегда доступно на начальном этапе становления взрослости. Являясь, как было сказано ранее, одной из основных задач данного возрастного периода, эта способность лежит у большинства молодых людей (получающих или получивших высшее образование) в «зоне ближай-

шего развития». Нами была предложена следующая процедура конструирования Я-нарратива с высокой тематической согласованностью. Из 20 самоописаний Теста двадцати утверждений Куна, Макпартленда (20 свободных ответов на вопрос «Кто Я?») испытуемый самостоятельно выбирал одно для дальнейшего описания себя как носителя этого качества в тексте Я-нарратива. Таким образом фиксировалась модель «идентичности» персонажа истории, связь с жизненными событиями которого будет тематически прослеживаться в повествовании. Затем испытуемому предлагалось: 1) вспомнить и описать ситуацию, когда это его качество проявлялось (или формировалось) в детстве, закончив предложение «Когда я был маленьким, я...»; 2) вспомнить и описать актуальную для него ситуацию из настоящего (недавнего прошлого), где это качество сыграло важную роль (закончив предложение «А недавно я...»), и 3) представить ситуацию в будущем, где это качество проявится (или, наоборот, не будет больше проявляться), закончив предложение «Через N лет я...». При необходимости испытуемому предлагалось добавить пояснения или связки, чтобы получился цельный рассказ. Анализировались как письменные описания трех жизненных ситуаций, так и устный рассказ, объединяющий их в цельное повествование. Нарративный анализ проводился тремя независимыми экспертами по предварительно составленным кодировочным инструкциям (модель анализа «золотая рыбка» [38]) с последующим согласованием оценок.

Результат применения данного метода конструирования Я-нарративов показал, что более чем в 90 % случаев были получены истории с высокой тематической согласованностью. Более чем в 65 % Я-историй такого типа можно было проследить следующую структуру: в истории настоящего описывалась актуальная для человека жизненная проблема (внутриличностный или межличностный конфликт); история детства использовалась как «метафора», где та же тема (противоборство определенного намерения персонажа и прессы — сопротивления жизненных обстоятельств) прослеживалась на более конкретном, часто физическом плане действий (взаимодействия персонажей), а история будущего выступала в качестве прояснения основного личностного смысла того или иного исхода разрешения противоречия, задавшего тему, и отражала прогноз вероятности достижения желаемого. Около 18 % респондентов продемонстрировали трудности на этапе представления и описания истории будущего (отказ, проявления тревожности, защитные стратегии самопрезентации). Большая часть историй будущего таких респондентов отличалась низкой реалистичностью, логической (биографической) несвязностью с историями настоящего, завышенными ожиданиями сценарного «идеализированного будущего» при отсутствии связей жизненных событий с идентичностью по типу «цель — средство», «причина — следствие».

Процент респондентов, временная перспектива которых относилась к пессимистическому типу (линейная регрессия и П-образная регрессия), среди них был наибольшим (Хи-квадрат Пирсона, $p < 0,05$). Этот результат представляется нам наиболее значимым с точки зрения роли динамической временной перспективы, если учесть, что в целом по выборке респондентов отношение к личному прошлому, настоящему и будущему было крайне (подчас завышено) позитивным (см. рис. 3). Молодые люди и девушки смотрели в будущее оптимистично (ср. 58,4 ст. откл. 8,9 из 70), равно как и переживали скорее положительные чувства относительно настоящего (ср. 52,5 ст. откл. 9,5) и прошлого (ср. 47,7 ст. откл. 9,8). Субъект-

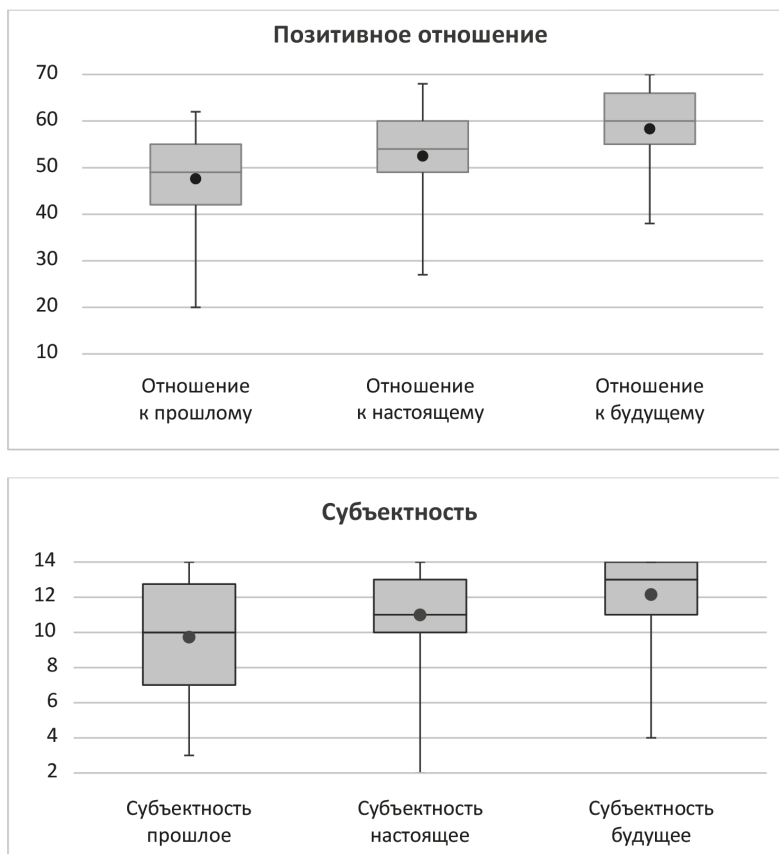

Рис. 3. Временная перспектива в логико-парадигматическом модуле

ная активность также оценивалась в целом высоко (медиана 10, 11 и 13 баллов из 14). Причем будущее воспринималось в целом даже завышенно оптимистично (медиана — 6 из 7 баллов в среднем) и в целом лучше и более субъектно опосредованно, чем настоящее и прошлое (W -Кендалла, $p < 0,001$).

Качественно-количественный анализ четырех типов временной перспективы позволил выявить: кроме преобладающей «линейно прогрессивной» группы (60 %), 25 % относились к U-образной, 14 % — к П-образной и 4 % — к «линейно-регрессивной». За исключением конструкта «важность», будущее воспринималось как все более важное линейно-прогрессивно в 79 % случаев. Линейная регрессия по параметру «субъектности» не встречалась, но 10 % респондентов ожидали ее уменьшения в будущем по сравнению с настоящим. А 16 и 24 % переживали настоящее менее «личным» и «связанным с активными действиями», чем прошлое и будущее. Наиболее интересный для нас тип «П-образной регрессии», «пессимистичного сценария», показал значимые взаимосвязи с негативным тоном нарратива в историях (пресс, препятствия побеждали намерения героя) и отсутствием ценностной интеграции (см. рис. 4). По результатам анализа метафор жизненного пути мы получили, что время как «темпоритм» и «эффективность своевременного приложения усилий» (образная схема «шкала и усилия») в масштабах жизни реже

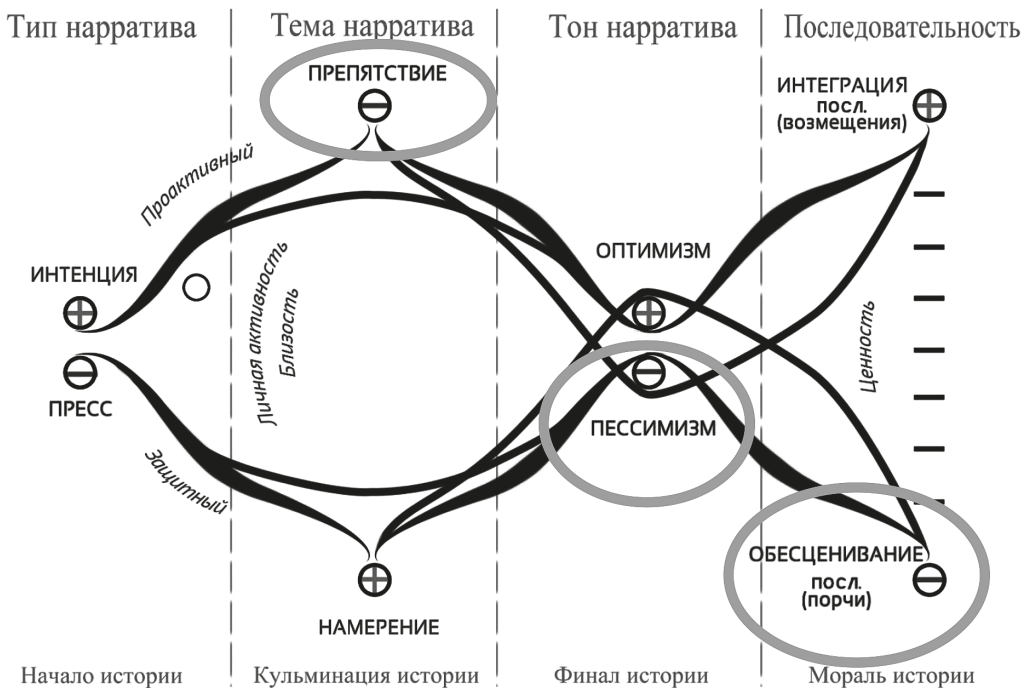

Рис. 4. Типичная структура Я-нарратива в группе с П-образной регрессией динамики временной перспективы

всего вызывала ассоциации в группе пессимистов (К-Краскелла-Уоллеса = 12,5; $p = 0,02$).

Конфирматорный анализ на дополнительно набранной для независимой проверки выборке ($N = 42$, студенты факультета психологии, возраст 18–19 лет) подтвердил полученные закономерности.

Таким образом, эмпирическое исследование временной перспективы в автобиографических рассказах (нарративный модус) показало, что даже незначительная динамика в сторону ухудшения от настоящего к будущему (измеренная в логико-парадигматическом модусе, шкала временных установок Нютена, семантический дифференциал, 19 конструктов) фиксируется в затруднениях конструирования образа будущего, обесценивании опыта, пессимистичных сценариях жизненного пути или чрезмерной идеализации сценарно-типичного образа будущего при разрыве каузальных связей «средство — цель», «причина — следствие» между событиями жизненного пути и идентичностью, а также в отсутствии тематической согласованности в рассказах о прошлом, настоящем и будущем. Мы можем сделать вывод, что не только абсолютные значения субъективного отношения к прошлому, настоящему и будущему оказывают существенное влияние на конструирование временной перспективы жизни, но и незначительная в абсолютном выражении динамика ожиданий накладывает свой отпечаток на субъективное переживание благополучия и уверенности в своих возможностях быть автором собственной жизни.

Потенциал автонаррации как инструмента конструирования идентичности был неоднократно показан в исследованиях последних десятилетий. Чувствитель-

ность структуры нарратива к темпоральности в ансамбле с уязвимостью строящейся идентичности молодых людей к нарративным паттернам рассказывания о жизни превращает динамику (даже незначительную по амплитуде) временной перспективы в значимый таргет психологического воздействия. А изучение эвристики познания феноменологического опыта времени — в значимую теоретическую проблему.

В результате анализа полученных эмпирических закономерностей мы можем заключить, что когнитивная эвристика «пик — финал» и игнорирование абсолютных значений длительности позитивного/негативного переживания проявляются и в пространстве личной экзистенциальной временной перспективы. Подобное коварство «троп» нашего мышления необходимо учитывать при решении основной задачи осмысления и артикулирования нашего жизненного опыта. Конструирование нашего «Я» посредством автонарации — сложнейшая задача, требующая познания собственной жизни в самых разных ипостасях. Будучи учеными, исследующими проблему временной перспективы, или решая личную экзистенциальную задачу о смысле собственной жизни, мы вынуждены учитывать историческое и личное время, законы языка и телесный опыт, смыслы и ценности нашей сознательной жизни и скрытые механизмы познания. Однако именно благодаря такой работе нашего «Я» время нашей жизни имеет смысл.

Литература

1. *Августин Аврелий*. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонийского. М.: Renaissance, 1991. 486 с.
2. *Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 336 с.
3. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 605 с.
4. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. 162 с.
5. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
6. *Рикер П.* Время и рассказ. СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. 313 с.
7. *Рикер П.* Что меня занимает последние 30 лет // Поль Рикер в Москве. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2013. С. 23–46.
8. *Рикер П.* Кант и Гуссерль // Интенциональность и текстуальность: философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 162–194.
9. *Рикер П.* Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
10. *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
11. *Хасанов И.* Время: энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 640 с.
12. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Питер, 2000. 712 с.
13. *Вааль Ф.* Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 414 с.
14. *Медова А. А.* Интрига времени: вслед за Рикером и Августином // Поль Рикер: человек — общество — цивилизация. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. С. 134–156.
15. Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками / отв. ред. В. И. Заботкина. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 472 с.
16. Логический анализ языка: язык и время. Посвящается светлой памяти Н. И. Толстого / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. 351 с.
17. *Boroditsky L.* How languages construct time // Space, time and number in the brain: Searching for the foundations of mathematical thought / eds. S. Dehaene & E. Brannon. London: Elsevier, 2011. P. 333–341.

18. *Johnson M.* The Body in the Mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. 233 p.
19. *Зайцева Ю. Е.* Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология и педагогика. 2016. Вып. 1. С. 119–137.
20. *Васильюк Ф. Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
21. *Марцинковская Т. Д.* Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.01.2017).
22. *Arnett J. J.* Emerging Adulthood A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55, N 5. P. 469–480.
23. *Сапогова Е. Е.* Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767 с.
24. *Сапогова Е. Е.* Лабиринты автобиографирования: экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб.: Алетейя, 2017. 364 с.
25. *Трусова А. В., Климанова С. Г., Киселев А. С.* Временная перспектива в структуре мотивации сохранения здоровья // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2013. Вып. 4. С. 61–68.
26. *Zaleski Z., Syson A., Kurc A.* Future time perspective and subjective well-being in adolescent samples // *Life Goals and Well-being: Towards a Positive Psychology of Human Striving* / eds. P. Schmuck, K. M. Sheldon. Goettingen: Hogrefe & Huber, 2001. P. 58–67.
27. *Boniwell L., Osin E., Linley A., Ivanchenko G. V.* A question of balance: Time perspective and well-being in British and Russian samples // *The Journal of Positive Psychology*. 2010. N 5 (1). P. 24–40.
28. *Drake L., Duncan E., Sutherland F., Abernethy C., Henry C.* Time perspective and correlates of well-being // *Time and Society*. 2008. N 17 (1). P. 47–61.
29. *Толстых Н. Н.* Формирование личности как становление субъекта развития // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 134–140.
30. *Сараева Н. М.* Временная перспектива студентов с разным уровнем субъектности // Ученые записки ЗабГУ. Серия «Педагогика и психология». 2014. № 5 (58). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vremennaya-perspektiva-studentov-s-raznym-urovнем-subektnosti> (дата обращения: 15.05.2017).
31. *Time Perspective Theory; Review, Research and Application* / eds. M. Stolarski, N. Fieulaine, W. van Beek. New York; London: Springer, 2015. 551 p.
32. *Bronk K. C., Hill P. L., Lapsley D. K., Talib T. L., Finch H.* Purpose, hope, and life satisfaction in three age groups // *The Journal of Positive Psychology*. 2009. N 4 (6). P. 500–510.
33. *Dwivedi A., Rastogi R.* Future Time Perspective, Hope and Life Satisfaction: A Study on Emerging Adulthood // *Jindal Journal of Business Research*. 2016. Vol. 5, iss. 1. P. 17–25.
34. *McAdams D.* The Redemptive Self: Stories Americans Live By. Oxford: Oxford University Press, 2006. 390 p.
35. *Kahneman D.* Thinking fast and slow. Verlag: Penguin books, 2012. 512 p.
36. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
37. *Зайцева Ю. Е.* Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических Я-нарративах // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2017).
38. *Зайцева Ю. Е.* Модель нарративного анализа стиля идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология и педагогика. 2016. Вып. 4. С. 6–22.

Статья поступила в редакцию 12 января 2018 г.

Статья принята к публикации 22 января 2018 г.

Контактная информация:

Зайцева Юлия Евгеньевна — канд. психол. наук; J.E.Zaitseva@spbu.ru

Time of meaning: Narrative modus of time perspective

Yu. E. Zaytseva

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Zaytseva Yu.E. Time of meaning: Narrative modus of time perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, vol.8, issue 1, pp.16–33. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.102>

Does “It’s getting worse” mean the same as “everything has gone wrong”? I am afraid, It seems so. The cognitive heuristics of ‘Remembering Self’ (D. Kahneman) make us suffer from such illusion: over-dramatizing the “peak-end” effect and underestimating the time duration factor in experiencing pain or pleasure. The same heuristics work in reasoning when judging the subjective quality of ones’ personal lifespan. In our empirical research of time perspective in autobiographic self-narratives, we show that even subtle, negatively-changing dynamics in ones’ personal past-present-future satisfaction level (Likert scale, semantic differential, 19 constructs from Nuttin’s Time Attitudes Scale) is reflected immediately in narrative structure. We have detected: (i) long pauses, frustration markers and blocking in narration about the future; (ii) discounting past experience; (iii) pessimistic scenarios of life course or over-idealized future ones (irrelevant to “course-effect” or “goal-directed” links between life events and identity); and (iv) the lack of a thematic type of global narrative coherence of past-present-future stories. Participants included 112 graduated bachelor’s and master’s students from Saint-Petersburg State University, namely emerging adults (18–27 years old). They were asked to present (in written and oral form) one coherent narrative, including three autobiographic stories to illustrate the relationship between one chosen identity (from their 20 statement test) and one past, one actual and one hypothetical future life event. Analysis involving an independent sample of 42 students confirmed the findings mentioned. Self-narration as a powerful cultural instrument of identity-construction is well known and has been vastly discussed last decades. The vulnerability of emerging identity to narrative patterns and the crucial role of temporality in narrative structure makes the dynamics of time perspective evaluation an important target of therapy even when small in amplitude but progressive. Therefore we propose that cognitive heuristics in the area of phenomenology of time become an important theoretical issue for further study. Empirical results were discussed in frames of phenomenological and existential approaches to the temporality narrated.

Keywords: time, temporality, cognitive heuristics, time perspective, narrative, autobiography, identity, phenomenology of time, lifespan, agency, *peak-end* effect.

References

1. Augustine Aurelius. *Ispoved' Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponiiskogo* [*Ispoved' Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponiiskogo*]. Moscow, Renaissance Publ., 1991, 486 p. (In Russian)
2. Bergson A. Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniia. *Materiia i pamiat'* [The experience of direct data of consciousness. Matter and memory]. *Bergson A. Collected works in ten volumes*. Vol. 1. Moscow, The Moscow Club Publ., 1992. 336 p. (In Russian)
3. Merlo-Ponty M. *Fenomenologiiia vospriiatiiia* [*Phenomenology of perception*]. St. Petersburg, Iuventa; Nauka Publ., 1999, 605 p. (In Russian)
4. Husserl E. *Fenomenologiiia vnutrennego soznaniia vremeni* [Phenomenology of the inner consciousness of time]. *Collected works in 3 volumes*. Vol. 1. Moscow, Gnosis Publ., 1994. 162 p. (In Russian)
5. Heidegger M. *Bytie i vremia* [*Bytie i vremya*]. Moscow, Ad Marginem, 1997. 452 p. (In Russian)
6. Riker P. *Vremia i rasskaz* [*Time and story*]. Vol. 1. *Intriga i istoricheskii rasskaz* [Intrigue and historical story]. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 2000. 313 p. (In Russian)

7. Ricker P. [What has been taking me the last 30 years]. *Pol' Riker v Moskve [In Paul Riker in Moscow]*. Moscow, Kanon +, ROOI "Reabilitatsiia" Publ., 2013, pp. 23–46. (In Russian)
8. Riker P. [Kant and Husserl]. *Intentsional'nost' i tekstual'nost': filosofskaia mysl' Frantsii XX veka [In Intentionality and Textuality: Philosophical Thought in France of the 20th Century]*. Tomsk, Vodoley Publ., 1998, pp. 162–194. (In Russian)
9. Ricker P. *Ia-sam kak drugoi [I'm like the other]*. Moscow, Publ. gumanitarnoi literatury, 2008. 416 p. (In Russian)
10. Mamardashvili M. K. *Psikhologicheskaiia topologiia puti [Psychological topology of the path]*. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2014. 1232 p. (In Russian)
11. Khasanov I. *Vremia: entsiklopedicheskii slovar' [Time: Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2017. 640 p. (In Russian)
12. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General Psychology]*. Moscow, Peter Publ., 2000. 712 p. (In Russian)
13. Vaal F. *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zhyvotnykh? [Are we clever enough to judge the mind of animals?]*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2017. 414 p. (In Russian)
14. Medova A. A. [The Intrigue of Time: Following Ricker and Augustine]. *Pol' Riker: chelovek — obshchestvo — tsivilizatsiia [In Paul Riker: Human-Society-Civilization]*. Moscow, Kanon+; ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2015, pp. 134–156. (In Russian)
15. Rossiia: izmeniaiushchisia obraz vremeni skvoz' prizmu iazyka. *Reprezentatsiia kontsepta vremeni v russkom iazyke v sopostavlenii s angliiskim i nemetskim iazykami [Russia: the changing image of time through the prism of language. Representation of the time concept in Russian in comparison with English and German]*. Ed. by V. Zabolotnik. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi [Handwritten Monuments of Ancient Rus] Publ., 2012. 472 p. (In Russian)
16. *Logicheskii analiz iazyka: iazyk i vremia. Posviashchaetsia svetloi pamiati N. I. Tolstogo [Logical analysis of the language: Language and time: Dedicated to the bright memory of N. I. Tolstoy]*. Ed. by N. D. Arutyunova, T. E. Janko. Moscow, Indrik Publ., 1997. 351 p. (In Russian)
17. Boroditsky L. How languages construct time. Eds. S. Dehaene, E. Brannon. *Space, time and number in the brain: Searching for the foundations of mathematical thought*. London, Elsevier, 2011, pp. 333–341.
18. Johnson M. *The Body in the Mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago, London, The Un-ty of Chicago Press, 1987. 233 p.
19. Zaitseva Yu. E. Ia-narrativ kak instrument konstruirovaniia identichnosti: ekzistentsial'no-narrativnyi podkhod [I-narrative as a tool for constructing identity: an existential-narrative approach]. *Vestnik Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology and Education*, 2016, iss. 1, pp. 119–137. (In Russian)
20. Vasylyuk F. Ye. *Psikhologiia perezhivaniia: analiz preodoleniia kriticheskikh situatsii [Psychology of experience: analysis of overcoming critical situations]*. Moscow, Moscow University Press, 1984. 200 p. (In Russian)
21. Martsinkovskaya T. D. Vnutrenniaia forma psikhologicheskogo khronotopa: podkhody k probleme [Internal form of psychological hronotope: approaches to the problem]. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological Studies]*, 2017, vol. 10, no. 54, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 12.01.2018). (In Russian)
22. Arnett J. J. Emerging Adulthood A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, 2000, vol. 55, no. 5, pp. 469–480.
23. Sapogova E. E. *Ekzistentsial'naia psikhologiia vzroslosti [Existential psychology of adulthood]*. Moscow, Smysl Publ., 2013. 767 p. (In Russian)
24. Sapogova E. E. *Labirinty avtobiografirovaniia: ekzistentsial'no-narrativnyi analiz lichnykh istorii [Labyrinths of autobiography: an existential-narrative analysis of personal stories]*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2017. 364 p. (In Russian)
25. Trusova A. V., Klimanova S. G., Kiselev A. S. Vremennaia perspektiva v strukture motivatsii sokhraneniia zdorov'ia [Temporary perspective in the structure of the motivation for maintaining health]. *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*, 2013, iss. 4, pp. 61–68. (In Russian)
26. Zaleski Z., Cycon A., Kurc A. Future time perspective and subjective well-being in adolescent samples. Eds. P. Schmuck, K. M. Sheldon. *In Life Goals and Well-being: Towards a Positive Psychology of Human Striving*. Goettingen, Hogrefe and Huber, 2001, pp. 58–67.
27. Boniwell I., Osin E., Linley A., Ivanchenko G. V. A question of balance: Time perspective and well-being in British and Russian samples. *The Journal of Positive Psychology*, 2010, no. 5 (1), pp. 24–40.
28. Drake L., Duncan E., Sutherland F., Abernethy C., Henry C. Time perspective and correlates of wellbeing. *Time and Society*, 2008, no. 17 (1), pp. 47–61.

29. Tolstykh N. N. Formirovanie lichnosti kak stanovlenie sub'ekta razvitiia [Formation of the personality as the formation of the subject of development]. *Voprosy psikhologii* [*Voprosy psychologii*], 2008, no. 5, pp. 134–140. (In Russian)
30. Sarayeva N. M. Vremennaia perspektiva studentov s raznym urovnem sub'ektnosti [Time perspective of students with different levels of subjectivity]. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriiia «Pedagogika i psikhologiiia»* [*Scientific notes ZabGU. Series: Pedagogy and psychology*], 2014, no. 5 (58). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/vremennaya-perspektiva-studentov-s-raznym-urovnem-subektnosti> (accessed: 15.05.2017). (In Russian)
31. *Time Perspective Theory; Review, Research and Application*. Eds. M. Stolarzki, N. Fieulaine, W. van Beek. New York; London, Springer Publ., 2015. 551 p.
32. Bronk K. C., Hill P. L., Lapsley D. K., Talib T. L., Finch H. Purpose, hope, and life satisfaction in three age groups. *The Journal of Positive Psychology*, 2009, no. 4 (6), pp. 500–510.
33. Dwivedi A., Rastogi R. Future Time Perspective, Hope and Life Satisfaction: A Study on Emerging Adulthood. *Jindal Journal of Business Research*, 2016, vol. 5, iss. 1, pp. 17–25.
34. McAdams D. *The Redemptive Self: Stories Americans Live By*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 390 p.
35. Kahneman D. *Thinking fast and slow*. Verlag, Penguin books, 2012. 512 p.
36. Nutten J. *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [*Motivation, action and perspective of the future*]. Moscow, Smysl, 2004. 608 p. (In Russian)
37. Zaitseva Yu. E. Strategii i stili konstruirovaniia identichnosti v avtobiograficheskikh Ia-narrativakh [Strategies and styles of identity construction in autobiographical I-narratives]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [*Psychological research*], 2017, vol. 10, no. 52, p. 3. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 15.05.2017). (In Russian)
38. Zaitseva Yu. E. Model' narrativnogo analiza stilia identichnosti [Model of narrative analysis of identity style]. *Vestnik Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology and Education*, 2016, iss. 4, pp. 6–22. (In Russian)

Author's information:

Zaitseva Yulia E. — PhD; J. E. Zaitseva@spbu.ru